

Черный седан направлялся в старый район города. Сквозь стекло пробивались тусклые огни ночных улиц, освещая половину лица юноши.

Тот, сидевший на заднем сиденье, смотрел в окно невидящим взглядом. Пейзаж за стеклом стремительно проносился мимо, но не привлекал ни малейшего внимания. Похоже, услышанная новость его окончательно подкосила.

Чу Ивань молча наблюдал за юношей, который с самого выхода из бара не проронил ни слова и даже не сменил позу. Поразмыслив, он заговорил:

— Пока еще ничего не подтверждено, не стоит так нервничать. Даже если Нао-Нао действительно мой племянник, ты всегда сможешь его навещать. Я выплачу тебе дополнительную сумму в качестве компенсации за то, что ты заботился о нем эти три года.

Сидевший за рулем помощник едва не свернул шею, пытаясь разглядеть, не одержим ли его босс. Иначе как объяснить, что человек, всегда славившийся своей холодностью и безразличием, вдруг начал кого-то утешать?

Сам Чу Ивань не видел в своих словах ничего странного. В конце концов, если его догадка верна, он обязан отблагодарить человека, приютившего его единственного кровного родственника. А если он ошибся — тем более стоит извиниться за свою поспешность. По всем правилам, он не мог позволить этому человеку и дальше пребывать в таком подавленном состоянии.

— На самом деле, — юноша привычно опустил голову, скрывая выражение лица, и крепко сжал ладони на коленях, — на самом деле, если вы действительно родственник Нао-Нао, это было бы просто замечательно.

— Неужели он винит прежнего владельца тела за то, что тот не заявил в полицию, а вынудил его самого искать Нао-Нао? Но ведь только что все было нормально... — Чэнь Хэмин немного подумал, но, не найдя ответа, решил отбросить эти мысли.

Судя по судьбе Дань Ниншэна за последние двадцать с лишним лет, то, что он сохранил доброту к людям, уже достойно уважения. А характер — со временем он его подправит.

— Постоянно отступая, ты лишь позволяешь другим сильнее притеснять тебя. Я не хочу, чтобы рядом с Нао-Нао рос человек, который даже не умеет бороться за себя.

Притворяясь опечаленным, Чэнь Хэмин перебрасывался фразами с системой 0937, как вдруг услышал озадаченный голос сферы:

— Система, ты уверена, что Чу Ивань — это высокомерный «золотой кошелек», а не чей-то наставник по жизни? — Чэнь Хэмин пребывал в легком замешательстве, но тут его осенило. —

Так вот почему он так на меня смотрел! Его просто разозлило мое никчемное поведение?

Машина, до этого плавно ехавшая по дороге, внезапно дернулась. Секундой позже раздался неловкий голос помощника:

— Прошу прощения, господин Чу, там внезапно кошка перебежала дорогу.

0937 радостно закружилось в танце, в его глазах-бусинках читалось искреннее восхищение своим хозяином.

— Нао-Нао заслуживает лучшей жизни, чем та, что я могу ему дать, — продолжал юноша. Его тело едва заметно дрогнуло, а голова опустилась еще ниже. — Если это правда, мне не обязательно часто видеться с ним. Просто позвольте мне иногда смотреть на него издалека.

Чу Ивань посмотрел на юношу, который, казалось, был готов спрятать голову в грудь от крайнего смущения и нежелания показываться на глаза. Он вздохнул.

— Система, как моя актерская игра? Не сдал позиции? Я уже заявил, что отказываюсь от прав опеки и не буду мешать, — лишь бы забрать Нао-Нао, когда подтвердится его личность, и мы сможем с чувством выполненного долга уйти.

— Я и сам не ожидал, что все пройдет так гладко. Закончим здесь и сразу в следующий мир, там я обязательно устрою себе настоящий отпуск.

В любом случае, в этом мире ему осталось всего несколько дней. Даже если Чу Ивань затаит на него обиду, это уже не будет иметь значения. Как только он сыграет свою роль, все здесь станет ему безразлично.

Боже мой! Этот живой яма* сам сказал, что он «добрый»? Он хоть понимает, что чуть не спровоцировал аварию своим заявлением?

— Что? — Чэнь Хэмин растерянно посмотрел на Чу Иваня, не понимая, что тот имеет в виду.

— Ой? Почему этот персонаж фона так на тебя смотрит? Страшно, очень страшно! — 0937 так испугалось, что его свечение стало тусклее. Зная, что Чу Ивань его не видит, оно все равно трусливо ухватилось за край рубашки Чэнь Хэмина и спряталось за него.

Место работы прежнего владельца тела находилось далеко от его дома, и уже близилась глубокая ночь. В роскошном автомобиле Чэнь Хэмин не чувствовал ни малейшей тряски. Тишина и комфорт стали идеальной колыбельной.

Чу Ивань нахмурился. Глядя на вечно робкого юношу, он стал еще холоднее.

— Хозяин, ты лучший! Не прошло и дня в этом мире, как ты отвел угрозу от жизни маленького статиста. Не зря ты мой хозяин! — Система под стать своему владельцу, хваля Чэнь Хэмина, не забывала и себя.

Произнося следующие слова, Чу Ивань не сводил своих глубоких холодных глаз с лица Чэнь Хэмина. Тон его был назидательным, словно старший наставлял младшего.

— Даже если подтвердится, что Нао-Нао — мой племянник, ты имеешь полное право навещать его, когда захочешь. Ты можешь бороться за это. В конце концов, не все такие добрые, как я.

— Я... — осознав смысл слов Чу Иваня, юноша покраснел до кончиков ушей. — В будущем... в будущем я не буду приходить к Нао-Нао. Боюсь, что могу плохо на него повлиять...

— Прошу прощения за мои прошлые слова, надеюсь, господин Дань не в обиде, — Чу Ивань потер виски, вспомнив досье на юношу, которое получил только что. Его ледяной тон смягчился. — Ты сильный и самостоятельный, ты вырос достойным человеком. Ты не испортишь ребенка, наоборот — ты для него пример.

Даже если он не сможет исправиться, в благодарность за заботу о ребенке он будет оберегать этого юношу, чтобы всякая шваль не смела к нему приближаться.

Решив так, Чу Ивань наконец вернул губам привычное выражение, к которому привык его помощник.

— Спасибо.

Юноша широко раскрыл глаза, польщенный до глубины души. С детства его редко хвалили, а уж тем более такой выдающийся человек. Румянец, только начавший сходиться с ушей, вспыхнул с новой силой, а на бледных губах промелькнула едва заметная улыбка.

Чу Ивань приподнял бровь. И правда, ему идет улыбка.

— Господин Чу, мы приехали. — Чу Ивань хотел что-то добавить, но голос помощника опередил его.

— Нао-Нао у бабушки Сун, я пойду заберу его. Прошу, подождите минутку.

Чу Ивань хотел предложить пойти вместе, но юноша, словно кролик, выскочил из машины и умчался прочь, не дав ему и слова сказать.

Одновременно сдержанный и опрометчивый, робкий и сильный — сплошное противоречие...

*

— Ты сегодня так рано? — Старушка уже отдыхала, но, услышав стук, поспешно накинула халат и пошла открывать Чэнь Хэмину.

— Простите, забыл предупредить заранее... — Чэнь Хэмину было неловко прерывать ее сон. — Сегодня заходил друг, поэтому я освободился пораньше. Заберу Нао-Нао домой.

Ребенок спал крепко, привыкнув, что его часто переносят домой во сне. Сейчас он лишь привычно устроился поудобнее на руках у Чэнь Хэмина, не издав ни звука.

Стоило Чэнь Хэмину спуститься вниз, как он увидел у подъезда высокую фигуру. Ускорив шаг, он подошел к мужчине и, прижав Нао-Нао крепче, остановился:

— Господин Чу, зачем вы вышли?

Чу Ивань помедлил:

— Здесь нет уличных фонарей, тебе неудобно нести ребенка в темноте.

— Оу. — Чэнь Хэмин посмотрел на маленького статиста у себя на руках и все понял: слишком темно, и «золотой кошелек» боится, что он уронит его племянника.

Чэнь Хэмин еще раздумывал над магией кровных уз, заставивших Чу Иваня так беспокоиться о ребенке, которого он даже не видел, как сильные руки мужчины потянулись к нему.

— Давай я его понесу.

Покорно передав маленького статиста в руки «золотого кошелька», Чэнь Хэмин обменялся цветами с мерцающим 0937. Судя по такому рвению, миссия по изменению судьбы мелкого статиста у них в кармане!

Неизвестно, то ли из-за тряски при передаче, то ли еще почему, но, оказавшись в руках Чу Иваня, Нао-Нао нахмурил брови, и его веки задрожали.

— Па... папа... — мягкий детский голос был полон сонливости, но в следующую секунду перешел в пронзительный крик: — Папа! Папа?!

Глядя на покрасневшие глаза Нао-Нао, готовые вот-вот пролиться слезами, Чэнь Хэмин почувствовал себя крайне виноватым. Проснуться и обнаружить себя в руках незнакомца — для ребенка, который боится чужих, это сродни просмотру фильма ужасов посреди ночи...

— Тише, тише, — Чэнь Хэмин сел на старый диван, из которого торчал поролон, и принялся мягко успокаивать ребенка, вцепившегося в его руку. — Это друг папы, он не плохой. Папа очень устал на работе, дядя просто хотел помочь папе донести Нао-Нао. Если Нао-Нао будет считать дядю плохим, дядя очень расстроится, правда ведь?

Чу Ивань сидел рядом и молча наблюдал за этой сценой. Этот робкий и немногословный юноша рядом с ребенком старался быть жизнерадостным — похоже, он действительно хочет стать хорошим примером для Нао-Нао.

Успокоив малыша, Чэнь Хэмин наконец нашел время взглянуть на Чу Ивана и тут же густо покраснел.

— Господин... Чу, — при ребенке юноша помедлил, но все же сменил обращение, — присаживайтесь на диван...

Он невольно покосился на старый диван, который давно пора было выбросить, и голос его затих. Он ведь заставил господина Чу сидеть на детской табуретке Нао-Нао!

Мужчина в дорогом костюме, излучавший властную ауру, из-за низкого сиденья не мог даже вытянуть ноги и был вынужден неловко расставить их в стороны. Если бы кто-то из знакомых Чу Ивана увидел эту комичную сцену, у них бы глаза на лоб полезли.

— Не нужно. — Мужчина спокойно и естественно поднялся. — Уже слишком поздно, я откланяюсь. Приду в другой раз. Отдай мне мусор, я по пути выброшу.

— Мусор? — Чэнь Хэмин быстро сообразил. — Зубная щетка Нао-Нао уже старая, пора менять, выбросьте ее заодно, пожалуйста.

— Хорошо.

Они стояли в дверях — большой и маленький — и свет из приоткрытой двери освещал путь Чу Иваню.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, Чэнь Хэмин подбросил Нао-Нао на руках, и его глаза наполнились улыбкой:

— Нао-Нао, в следующий раз этот дядя принесет тебе отличный подарок, ждешь?

— Нет! — крепко обняв Чэнь Хэмина за шею, ребенок твердо ответил: — Дядя плохой, Нао-Нао хочет папу!

Чэнь Хэмин про себя вздохнул: твой папа и сам не прочь был бы остаться с тобой, жаль только,

ЧТО ОН ВСЕГО ЛИШЬ СТАТИСТ...

<http://bllate.org/book/20208/2011026>